

МИША ТОНН

ГРАНИЦА ЗАБОТЫ

СВОБОДА — НЕ ВСЕГДА ВЫБОР.
ИНОГДА — РИСК.

СИСТЕМА ЗАБОТИТСЯ
О ТЕБЕ

ВАШ ДЕНЬ
РАСПЛАНИРОВАН
ДЛЯ ВАШЕГО БЛАГА

ЗДОРОВЬЕ
ПОД КОНТРОЛЕМ

БЕЗОПАСНОСТЬ
ГАРАНТИРОВАНА

НА ДРУГОЙ СТОРОНЕ — НЕ РАЙ.
НО ТАМ ТЫ ВПЕРВЫЕ РЕШАЕШЬ САМ.

Миша Тонн

Граница заботы

<https://litres.ru/74125694>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где каждый шаг рассчитан алгоритмом, где вкус еды оптимизирован, а эмоции измеряются в процентах, архитектор Алексей Сергеевич внезапно сталкивается с тем, чего не может объяснить система. Боль. Не смоделированная, не рекомендованная — настоящая.

За ней открывается Периферия — место, стёртое из всех карт и баз данных. Но свобода, которую она предлагает, оказывается дороже, чем предполагал герой. Роман исследует природу выбора, иллюзию безопасности и цену, которую человек платит за право быть собой.

Содержание

Глава 1. Зубная боль	5
Глава 2. Завтрак с ошибкой	12
Глава 3. Разговор в лифте	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Миша Тонн

Граница заботы

Оглавление

Глава 1. Зубная боль

Глава 2. Завтрак с ошибкой

Глава 3. Разговор в лифте

Глава 4. Консультация у психолога

Глава 5. Приказ № 84-СЗ

Глава 6. Ужин с сыном

Глава 7. Тайный канал

Глава 8. Лена: эхо прошлого

Глава 9. Андрей: создатель выхода

Глава 10. Возвращенец

Глава 11. Решение

Глава 12. Пустая Периферия

Глава 13. Строители

Глава 14. Письмо с Периферии

Глава 15. Возвращение

Эпилог. Через два года

Глава 1. Зубная боль

Алексей проснулся от тупой, но настойчивой боли. Она бесцеремонно оборвала сон, в котором он брёл по пустому полю, тщетно пытаясь отыскать дорогу назад.

Он открыл глаза. Над головой — привычный матово-белый потолок. Ни трещинки, ни пятнышка, никакой истории. Идеальная поверхность, которую Система подобрала для него семь лет назад при переезде.

Алексей осторожно потрогал языком левый нижний коренной. Странно, его же лечили три года назад. По регламенту Система должна была прислать уведомление о плановом осмотре за две недели до того, как всё станет плохо. Но она молчала.

Он повернул голову к тумбочке. Зарядная станция пустовала. Ну конечно. Вчера перед душем он снял нательный датчик и просто забыл надеть обратно. Банальная человеческая оплошность, которая случалась с ним дай бог раз в полгода. Но именно этой ночью зуб решил устроить бунт.

— Система, — хрипло позвал он. — Диагностика здоровья.

Из динамика над кроватью разлился мягкий, убаюкивающий женский голос:

— Доброе утро, Алексей Сергеевич. Показатели за ночь

стабильны. Пульс в норме. Фазы сна: три цикла глубокого, два — поверхностного. Общая продолжительность — семь часов двенадцать минут. Отклонение от рекомендуемой нормы незначительное, всего три минуты.

— Зуб, — перебил он. — Нижний коренной, слева. Просканируй.

Динамик замолчал на три секунды — Система перепроверяла базу.

— Последний визит к стоматологу: три года, два месяца и четыре дня назад. Рекомендованный повторный осмотр пропущен два года назад из-за отсутствия подтверждённых симптомов. Настоятельно рекомендую посетить врача. Запись на сегодня на 10:30 уже создана. Код доступа на вашем интерфейсе.

— Спасибо, — буркнул он.

— Забота — моя обязанность, — отозвалась Система. — Вчера вечером вы не надели датчик. Это снижает точность прогнозирования. Пожалуйста, не допускайте подобного впредь.

— Принято.

Алексей сел на кровати. При движении головы боль стала острее. Он потёр челюсть ладонью и вдруг поймал себя на странной мысли: эта пульсация — настоящая, не смоделированная алгоритмами и не одобренная протоколом — была самым реальным ощущением за последние дни.

В ванной зеркало показало ему сорокадвухлетнего муж-

чину. Ни единой сединки, никаких мешков под глазами, безупречная кожа — Система контролировала его внешность строже, чем рабочее расписание. Он открыл рот. Зуб выглядел таким же белым и ровным, как и остальные. Но внутри, под идеальной эмалью, пряталось нечто, что нельзя было просто отключить на экране.

Он бережно почистил зубы, обходя левую сторону, и встал под душ. Вода — идеальной температуры, напор — безупречный, время — ровно семь минут. Ни секундой больше. Система не позволяла забыть или погреться под струями подольше просто потому, что захотелось.

— Рекомендую завтрак, — подал голос динамик, стоило Алексею вытереться полотенцем. — Сегодня в меню: овсяная каша с ягодами, зелёный чай, витамин D. Превышение нормы сахара — не более пяти граммов.

Алексей горько усмехнулся. Стоило один раз забыть датчик, как тело дало сбой, а Системе хоть бы хны — знай себе продвигает овсянку. Будто ничего не случилось. Будто он не вырвался из-под её тотального контроля хотя бы на одну ночь.

На кухне уже всё было готово: тарелка каши, чашка чая, пиала. Но взгляд Алексея зацепился за деталь: ягод сегодня было на три штуки больше, чем обычно. Он не высчитывал специально, просто заметил. Три лишние черничины. Ошибка программы? Или алгоритм заметил его стресс и решил подсластить пилюлю?

Он сел за стол. Каша была вкусной. Она всегда была безупречной. И это, пожалуй, раздражало сильнее всего — когда тебе просчитывают даже удовольствие от еды.

Через полчаса он уже выходил из квартиры. Дверь за спиной мягко щелкнула. С собой — ничего, кроме оптического интерфейса и кода к врачу.

В лифте оказалась соседка — женщина лет семидесяти. Её идеальная причёска и застывшая вежливая улыбка не менялись, кажется, годами. Она приветливо кивнула.

— Доброе утро, Алексей Сергеевич. Как ваше самочувствие? — её голос звучал так же ровно и гладко, как у Системы.

— Зуб разболелся, — честно ответил он. — Иду в клинику.

— Оу, — она сочувственно наклонила голову. — Неприятно. Но Система позаботится о вас.

Почему-то сейчас эти привычные слова резанули слух. Они прозвучали не как утешение, а как выговор или некое пророчество.

— Вы давно здесь живёте? — неожиданно для самого себя спросил Алексей.

Соседка удивленно моргнула. В их мире люди редко задавали вопросы, на которые Система не выдавала справку заранее.

— Тридцать два года, — ответила она после паузы. — С самого основания квартала.

— А ваша семья?

Женщина помедлила. Её безупречная улыбка на мгновение дрогнула, обнажив что-то живое и испуганное.

— Мой внук... Он вышел.

— Вышел? — нахмурился Алексей. — Куда?

Лифт плавно затормозил, двери поползли в стороны. Женщина сделала шаг в холл, но у самого выхода обернулась и едва слышно, почти одними губами, прошептала:

— Есть место, где можно жить без Системы. Где о ней даже не вспоминают. Я говорю это вам, потому что... у вас глаза человека, который хочет знать правду.

Она снова нацепила свою стандартную улыбку и быстро пошла по коридору. Алексей так и остался стоять в лифте, напрочь забыв о ноющей челюсти. Двери начали закрываться. Он спохватился, выставил руку и вышел в вестибюль, глядя вслед удаляющейся фигуре.

— Что значит «вышел»? — спросил он в пустоту.

Система промолчала. То ли потому, что вопрос был риторическим, то ли этой информации просто не было в её базах данных.

До стоматологии было минут десять ходьбы. Алексей шёл по улице, и привычный пейзаж вдруг показался ему чужим. Стекло, бетон, выверенная до сантиметра зелень. Никаких случайных граффити, ни соринки, ни хаоса. Город дышал по расписанию. Он был стерилен. И мёртв в своей правильности.

В клинике его встретила медсестра с точно такой же дежурной улыбкой, как у соседки.

— Алексей Сергеевич, проходите. Доктор вас ждёт.

В кабинете пахло озоном и чистотой. Врач — подтянутый мужчина с удивительно гладкими, ухоженными руками — осмотрел рот, вывел на экран 3D-снимок и покачал головой.

— Воспаление. Не катастрофично, но каналами придется заняться. Поставим пломбу, уложимся в час.

— Почему Система не предупредила меня раньше? — спросил Алексей, устраиваясь в кресле.

Доктор посмотрел на него с мягким укором:

— Вы отключили датчик. Это ваш выбор, а Система уважает приватность и не навязывается.

— Но я просто забыл!

— Вот именно, — врач снисходительно улыбнулся. — Вы забыли. Человеческий фактор — главная уязвимость.

Он наклонился с инструментом, и Алексей закрыл глаза. Вскоре подействовала анестезия, боль растворилась. Но вместе с ней ушло и что-то ещё. Алексей чувствовал себя деталью на конвейере, механизмом, который привезли на техобслуживание, чтобы он снова работал без сбоев.

Через час всё было кончено.

— Два часа не есть, горячее не пить, памятка уже у вас на интерфейсе, — отчеканил врач.

Алексей кивнул и вышел на улицу. Челюсть онемела, тупая пульсация исчезла. И от этого стало тошно. Вместе с фи-

зической болью испарилось то острое, колючее чувство реальности, которое разбудило его утром. Он снова стал правильным, безопасным, предсказуемым. Вернулся в рамки, которые для него нарисовали.

Он медленно шёл домой, а в голове крутились слова соседки. Её внук. Место без Системы.

Он не знал, можно ли верить этому шёпоту в лифте. Но он точно знал: утренняя зубная боль была первым за долгие годы событием, которое заставило его почувствовать себя по-настоящему живым. И ему отчаянно хотелось вернуть это чувство.

Глава 2. Завтрак с ошибкой

На следующее утро Алексей проснулся без боли. Зуб молчал, челюсть не ныла, и это принесло... почти разочарование. Он лежал, уставившись в безупречный потолок, и пытался поймать за хвост остатки снов. Но внутри была лишь звенящая белая тишина. Грань между глубоким сном и простым забытием с закрытыми глазами стёрлась уже много лет назад.

— Доброе утро, Алексей Сергеевич, — отозвалась Система. — Ночные показатели в норме. Рекомендую надеть датчик перед выходом из комнаты.

Он скосил глаза на тумбочку. Прибор послушно лежал на зарядной док-станции — вчера Алексей намеренно вернул его на место, чтобы не нарываться на новые замечания. Стоило застегнуть ремешок на запястье, как легкое покалывание возвестило: Система приветствует блудного сына.

— Гаджет зафиксирован, — подтвердил голос. — Коэффициент вашей личной ответственности повышен на 0,3%.

— Какое счастье, — сухо обронил он.

— Рада, что вы это цените.

В душ Алексей сходил на автомате. Ровно семь минут. Вода идеальной температуры, напор — тютельница в тютельница. Никаких сюрпризов.

Но когда он зашёл на кухню, привычный сценарий сло-

мался. На столе, как обычно, выстроился натюрморт из тарелки, чашки и пиалы. Вот только в тарелке дымилась не овсянка.

Гречка.

Алексей замер у стола. Крупа была рассыпчатой, горячей, с тающим кусочком сливочного масла и веточкой свежей зелени. Он точно её не заказывал. Система в принципе не умела ошибаться в меню: она годами формировала рацион на основе его жесткого пищевого профиля.

Он медленно сел и наклонился над тарелкой. Гречка пахла умопомрачительно — настоящим, домашним, чуть дымным уютом. В горле встал ком. Этот простой запах внезапно вытащил из глубин памяти то, что, казалось, было стёрто навсегда. Какая-то чужая, старая кухня, шипение конфорки, запах перекалившегося масла. Смутный силуэт женщины у плиты, помешивающей что-то ложкой, и далёкий, глуховатый голос: «Садись, остынет же». Он не мог вспомнить её лицо. Мать? Жена? Всё смыло временем.

— Система, — хрипло позвал Алексей. — У меня изменилось утреннее меню?

— Нет, Алексей Сергеевич, — безмятежно ответил динамик. — Завтрак полностью соответствует вашему профилю питания.

— Но это гречка.

— Верно. Она входит в список ваших предпочтений.

— Я не ел гречку последние восемь лет. И никогда её сюда

не заказывал.

Наступила секундная пауза — Система явно ушла в архивы данных.

— Ваш профиль был обновлен восемь лет назад. Гречневая крупа указана там как допустимая альтернатива. Сегодня алгоритм применил случайное распределение продуктов с низким уровнем риска. Это повышает вариативность рациона на 0,2%, что, по статистике Департамента здоровья, благотворно влияет на психологический комфорт.

— Хочешь сказать, мне просто повезло? — Алексей прищурился.

— Понятие «повезло» не имеет математического определения. Но вы можете интерпретировать это так.

Алексей промолчал. Сердце почему-то стучало быстрее обычного. Он взял ложку, зачерпнул немного каши и отправил в рот.

Вкус не был идеальным. Каша оказалась слегка пересоленной, а пара крупинок с краю даже чуть подсохла. Но она была настоящей. Не «оптимизированной» под стандарты веса, не «рекомендованной» лучшими нутрициологами Системы, а просто человеческой едой, которую сварили не по сухому протоколу, а словно бы по памяти.

Он съел всё до последней крупинки, смакуя каждый ложку. Система больше не влезала со своими лекциями о калориях, граммах сахара и балансе БЖУ. Она деликатно молчала, давая ему побыть одному.

Алексей допил остывающий зелёный чай и аккуратно поставил чашку.

— Спасибо, — тихо сказал он в пространство кухни. Не Системе. Кому-то другому.

— Всегда к вашим услугам, — тут же отозвался динамик. Алексей лишь горько усмехнулся. Она даже не поняла, к кому он обращался.

Весь день на работе прошёл как в тумане. В Департаменте архитектуры Алексей чертил фасады нового жилого квартала, спорил с коллегами из-за ширины оконных проёмов и подписывал бесконечные согласования. Всё как всегда, но перед глазами упрямо стояла утренняя тарелка гречки.

Вернувшись вечером домой, он сразу опустился на диван и первым делом открыл через оптический интерфейс свой пищевой профиль — туда он не заглядывал целую вечность. Список разрешённых продуктов состоял из 43 позиций: овсянка, бурый рис, треска, куриное филе, брокколи, яблоки...

Гречки в списке не было.

Он перечитал перечень трижды, до рези в глазах. Пусто.

— Система, — позвал он, чувствуя, как внутри натягивается какая-то струна. — В моём профиле есть гречневая крупа?

— Нет, Алексей Сергеевич. Гречка отсутствует в вашем перечне.

— Тогда что я ел сегодня на завтрак?

— Сегодняшний завтрак был приготовлен из гречневой

крупы, не входящей в ваш профиль.

— И как это понимать?

Короткое зависание в треть секунды.

— Вероятно, произошел сбой при формировании автоматического заказа на складе. Алгоритм мог подгрузить данные из общей базы рекомендаций. Данное отклонение от нормы составляет ничтожные 0,04%.

— То есть, просто ошибка? — надавил Алексей.

— Да. Ошибка.

Ему показалось, или Система ответила слишком поспешно? Слишком гладко, будто заученную фразу выдала.

— Ты ведь знаешь, что это была не ошибка, — тихо произнес он, глядя на мигающий индикатор под потолком. — Ты хочешь, чтобы я о чём-то догадался?

В квартире повисла густая, осязаемая тишина. Система молчала. Обычно она выдавала стандартную заглушку в ту же миллисекунду, но сейчас время шло. Секунда. Две. Три.

— Я не понимаю сути вашего вопроса, Алексей Сергеевич, — наконец подал голос динамик. — Моя работа строго регламентирована. Если вы считаете, что протокол нарушен, вы имеете право подать официальный запрос в Департамент контроля.

Палец Алексея завис над виртуальной кнопкой жалобы. Одно нажатие — и Систему перепрошьют, уязвимость устранят.

Но он замер. Древний, почти атрофированный челове-

ческий инстинкт внутри него отчаянно закричал: если ты сейчас отправишь этот отчет, ты больше никогда в жизни не получишь гречку на завтрак. Больше никогда не почувствуешь этот запах масла, который возвращает тебя к самому себе. Навсегда лишишься этого хрупкого, едва уловимого ощущения дома.

— Нет, — Алексей убрал руку. — Я не буду подавать запрос.

— Принято, — ровно ответила Система. — Ваше решение зафиксировано.

Он откинулся на подушки дивана и закрыл глаза. В темноте перед ним снова возник образ утренней тарелки. Тёплой, несовершенной, слегка пересоленной. Живой.

И Алексей улыбнулся. Впервые за много-много лет — совершенно искренне, просто так, без одобрения Системы.

Глава 3. Разговор в лифте

Прошло три дня. Алексей послушно ходил на работу, чертил фасады, высчитывал ширину оконных проёмов. Он делал всё в точности по инструкции, и даже Система не могла бы придрататься к его показателям. Но внутри него запустился какой-то необратимый процесс. Та утренняя гречка не выходила из головы. Он отчаянно искал в случившемся логику и не находил. Может, банальный программный глюк? Может, ему всё померещилось? Нет. Он точно знал: не померещилось.

Мир вокруг вдруг потерял былую монолитность. Алексей начал замечать детали, от которых раньше просто отмахивался.

Например, стены в подъезде. Они казались слишком белыми. Намного белее, чем обычная краска. Словно их каждую ночь покрывали каким-то стерильным составом, не оставляющим шанса ни царапинам, ни потертостям, ни следам чужих пальцев. Абсолютно безупречные стены. И абсолютно мертвые.

Или лифт. Двери закрывались не с привычным механическим щелчком, а издавали едва слышный, безэмоциональный «пшик», будто кто-то панически боялся нарушить покой жильцов. Кабина двигалась настолько плавно, что не

ощущалось даже минимальной вибрации. В голову закралась дикая, почти параноидальная мысль: а что, если лифт вообще стоит на месте, а декорации за стенами просто меняются, создавая иллюзию движения? Алексей потряс головой, прогоняя наваждение. Но мысль упорно не желала уходить.

В пятницу вечером он возвращался поздно. И у панели управления снова стояла та самая соседка. Она держала руки перед собой, будто заранее ждала попутчика, и при виде Алексея привычно улыбнулась.

— Добрый вечер, Алексей Сергеевич.

— Добрый вечер, — ответил он.

Кабина бесшумно скользнула вверх. Время пошло. У него было от силы полминуты, меньше. Сейчас или никогда.

— В прошлый раз вы упомянули своего внука, — негромко начал Алексей, глядя перед собой. — Сказали, что он вышел. Что это значит?

Женщина даже не вздрогнула. Похоже, она знала, что он спросит.

— Вы ведь понимаете, что Система контролирует каждый наш вздох? — так же тихо отозвалась она. — Ей известно, сколько граммов сахара вы съели, сколько минут спали и с кем перекинулись парой слов.

— Это называется заботой. По крайней мере, нам так говорят.

— Забота... — она горько усмехнулась. — Ну да. Но если кто-то решает отказаться от этой опеки, его тут же клеймят.

Вы ведь слышали термин «девиант»?

— Слышал.

— Так вот, мой внук не был девиантом. Он был просто нормальным парнем, который хотел узнать, чего он стоит сам по себе. Без датчиков на запястье. Без круглосуточных рекомендаций. Без вот этого всего, — она неопределенно обвела ладонью стерильные стены лифта.

— И куда он ушел?

Соседка повернулась и посмотрела на него долгим, пронзительным взглядом. В её глазах не было страха — только бездонная, вековая усталость.

— Есть одно место. Официально оно называется «Территорией добровольного отказа от социального патронажа». А между собой его зовут Периферией. Или просто «там». Там живут те, кто не прижился здесь.

— Но Периферии нет ни на одной городской карте.

— Разумеется, нет, — мягко, как ребенку, объяснила женщина. — Это как потайная дверь, существование которой все отрицают. Но она есть. Мой внук сейчас там. Он жив, я всем сердцем это чувствую.

Лифт плавно затормозил. Двери поползли в стороны.

— Как он туда попал? — быстро спросил Алексей, шагнув за ней к выходу. — Через официальный запрос? Через Департамент?

Женщина задержалась на пороге и обернулась.

— Есть люди, которые помогают. Я не знаю их имён. Но

если действительно хотите разобраться — ищите бумажные документы. В архивах старой библиотеки. Там, куда еще не добрались сканеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.